

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ СМАРТ-КОНТРАКТА ПО РОССИЙСКОМУ ПРАВУ

Кириллов Павел Васильевич

магистрант, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, РФ, г. Москва

Термин смарт-контракт давно известен деловой практике и доктрине, однако его содержание до сих пор не определено и вызывает дискуссии. Даже последние законодательные изменения в рассматриваемой сфере не решили данную проблему и законодательство до сих пор не содержит определения понятия «смарт-контракт».

В законе можно лишь встретить упоминания о совершаемых в информационных системах сделках, обладающих признаками, которые принято вкладывать в обывательское понимание смарт-контрактов. Так согласно п. 2 ст. 4 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» записи в информационную систему о цифровых финансовых активах могут вноситься в силу действия, совершенного в рамках сделки, предусматривающей исполнение сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон путем применения информационных технологий в соответствии с правилами информационной системы, в которой учитываются цифровые финансовые активы.

В данном случае смарт-контракт определен через призму следующих существенных признаков:

- это определенное действие;
- оно совершается в силу определенной сделки, но не является таковой;
- оно совершается в силу сделки под условием;
- оно совершается автоматически с применением информационных технологий без дополнительного на то волеизъявления.

Однако, важно отдельно подчеркнуть, что действующее законодательство и законодательные акты, которые должны вступить в силу в ближайшее время, не содержат понятия «смарт-контракт», а равно целенаправленно не раскрывают его понятия. Соответственно, указанные выше действия называть смарт-контрактом не совсем корректно, хотя они, на наш взгляд, и обладают признаками такового. В этой связи обратимся к имеющимся доктринальным толкованиям, чтобы разобраться, действительно ли вышеуказанные действия следует признавать смарт-контрактами.

В самом общем понимании ученых - исследователей данной проблематики смарт-контракт – это совокупность обещаний, которые сформулированы в цифровой среде, особого рода компьютерный протокол, исполняющий условия того или иного договора [15]. По существу, смарт-контракт является договором, написанным на машиночитаемом языке. Все осуществленные транзакции фиксируются, а расчеты могут производиться с помощью криптовалют посредством применений специальной системы ключей и адресов. Исполнение смарт-контракта происходит в автоматическом режиме при наступлении определенных условий (в частности, поступления платежа либо наступления определенной в условиях договора даты). Это значительно упрощает взаимодействие сторон договора, поскольку не возникает необходимость совершать в связи с этим какие-либо действия (направлять уведомление, счет-фактура либо претензию другой стороне, например). Невозможность изменения условий в одностороннем порядке гарантирует исполнение смарт-контракта.

Позицию относительно применимости технологии искусственного интеллекта в смарт-контрактах, создаваемых в структуре распределенного реестра и включающих токенизированные активы, поддерживают многие зарубежные исследователи [6, 7, 8]. «Умные контракты» (англ. smart contracts) функционируют в соответствии с принципами технологии блокчейн. По существу, они представляют собой фрагмент кода, который иницируется транзакциями и осуществляет внесение записей в блокчейн-реестр. Использование токенов для идентификации результата интеллектуальной деятельности позволяет сторонам сделки удостовериться в его подлинности.

Поскольку технология блокчейн позволяет фиксировать в реестре все выполненные транзакции, можно контролировать заключение всех сделок по распоряжению исключительными правами и определять правообладателей, пользователей и приобретателей данных прав. Такие характеристики технологии блокчейн позволяют сделать оборот исключительных прав более доверительным и облегчить процедуру доказательства наличия прав на тот или иной результат интеллектуальной деятельности.

Исследователи указывают на возможность отслеживать составные части транзакции с помощью систем искусственного интеллекта, упорядочивать хранение информации, осуществлять ее анализ, перевод и на основе опыта прошлых переговоров предлагать определенные типы формулировок и положений смарт-контрактов. Искусственный интеллект может также использоваться для обнаружения логических и технических ошибок, исправления ошибок кодирования в смарт-контрактах, осуществления так называемого «интеллектуального тестирования». Транспарентность и независимость осуществления транзакций, а также отсутствие управляющего реестром лица повышают его привлекательность для правообладателей, стремящихся так или иначе обеспечить доказательства наличия у них прав в отношении того или иного результата интеллектуальной деятельности.

Вместе с тем, следует отметить, что безопасное применение технологий искусственного интеллекта в смарт-контрактах предполагает необходимость стандартизации данных процессов. Отсутствие таких стандартов приводит к уязвимости смарт-контрактов. Так, исследователи приводят следующие примеры: «в 2017 году взлом электронного кошелька Ethereum Parity привел к общим убыткам в 180 миллионов долларов; а в 2016 году ошибка, обнаруженная в Ethereum's DAO (англ. decentralized autonomous organization - т.е. децентрализованная автономная организация) позволила хакеру в результате взлома смарт-контракта получить 50 миллионов долларов» [11].

Некоторые ученые приводят такие признаки смарт-контракта как «дополнительный к основному договору характер смарт-контракта, представляющего собой специальную договорную конструкцию; автономный характер исполнения; обусловленный характер исполнения; заключение в форме программного кода; заключение договора с использованием технологии blockchain; уменьшение, а в перспективе исключение посредников, необходимых для исполнения обязательств; минимизация участия сторон договора в его заключении и исполнении» [13]. Возможны и другие признаки: «верификация участников сделки; возможность контроля исполнения контракта на всех этапах; защищенность условий и данных смарт-контракта от третьих лиц» [16]. Таким образом, в проанализированных выше работах целого ряда исследователей смарт-контракт рассматривается уже не как действие, не являющееся сделкой само по себе, а либо форма договора, либо договорная конструкция, хотя и дополнительная по отношению к основному обязательству.

Полагаем необходимым также обратиться к определению понятия «смарт-контракт», содержащемуся в проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах», согласно абз. 14 ст. 2 которого смарт-контрактом признается «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [5].

Какие существенные признаки смарт-контракта выделяет данное определение понятия?

- Это договор в электронно-цифровой форме;
- Автоматический порядок исполнения обязательства;
- Осуществление обязательства в распределенном реестре;
- Это сделка под условием (осуществляется при наступлении определенных обстоятельств).

Таким образом, в данном определении понятия смарт-контракт уже назван непосредственно как договор в электронно-цифровой форме, что вносило необходимую ясность и правовую определенность в регулирование общественных отношений по поводу оборота цифровых активов. При этом смарт-контракт указывается не косвенно, а напрямую, что следует оценить положительно с точки зрения юридической техники. Но, к сожалению, этот законопроект так и не был принят, а в ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в том виде, в котором он был принят, определения понятия «смарт-контракт» не имеется. Вместо него есть лишь упомянутое выше указание на действие, обладающее признаками, которые большинство специалистов традиционно вкладывают в его содержание.

Однако, вернемся к дефиниции смарт-контракта, содержащейся в непринятой редакции проекта ФЗ «О цифровых финансовых активах». В соответствии с терминологией указанного законопроекта смарт-контракт – это электронно-цифровая форма договора.

В связи с этим приведем нормы о форме договора, которые содержатся в ГК РФ. Так, согласно п. 1 ст. 434 ГК РФ, договор может быть заключен в любой форме, предусмотренной для совершения сделок, если законом для договоров данного вида не установлена определенная форма. Более общие положения о форме сделок содержит п. 1 ст. 158 ГК РФ, согласно которому гражданско-правовые сделки могут совершаться как в устной, так и в письменной форме, причем она может быть простой либо квалифицированной.

Далее необходимо пояснить отличия между закрепленными в ГК РФ «традиционными» формами сделок и электронно-цифровой формой сделки, которая предусмотрена проектом ФЗ «О цифровых финансовых активах».

В отличие от обычного письменного договора, который размещен в цифровой среде (на диске или любом другом носителе информации) смарт-контракт представляет собой договор, в котором отсутствуют воспринимаемые человеком условия такого договора, они определяются лишь только программно-аппаратными средствами, и исполнение обязательства происходит, таким образом, вне участия человека, в автоматическом режиме.

Исследователи в связи с этим указывают на то, что «оформление договора в классической электронной форме, позволяющей суду установить волю сторон, является принципиально важным, так как с момента возникновения основания исполнения смарт-контракта воля его сторон никак не учитывается и не имеет абсолютно никакого значения» [13]. Смарт-контракт носит, таким образом, дополнительный к основному договору характер, представляя собой специальную договорную конструкцию. Поэтому некоторые ученые полагают, что правильнее было бы говорить о нормативно-правовой регламентации не самого смарт-контракта, который представляет собой программный код, а о субъектах, которые применяют конструкцию смарт-контракта на практике [14].

В отношении зарубежного законодательства и правоприменительной практики необходимо указать на отсутствие специального гражданско-правового регулирования в сфере смарт-контрактов. Зарубежные исследователи рассматривают смарт-контракты как вид гражданско-правовых договоров (в частности, Б. Дондеро пишет, что смарт-контракты – это «основанные на блокчейне контракты»). Другие авторы полагают, что смарт-контракт – это специальная компьютерная программа, предназначенная для автоматизации отдельных условий, составляющих содержание гражданско-правового договора, а также исполнения такого договора. В некоторых странах в принципе не ставится задача разработки отдельного нормативно-правового регулирования смарт-контрактов [10].

В зарубежной литературе довольно много внимания уделено проблеме добросовестности при формулировании условий, составляющих содержание смарт-контрактов [9]. Полагаем, что

подобные опасения могут быть вполне обоснованными, тем более что постоянное совершенствование уровня науки и техники создает новые возможности для злоупотребления правами, принадлежащими участникам гражданского оборота.

Также отметим, что очень важна стандартизация технологий, технических средств при использовании смарт-контрактов. Как отмечают исследователи, [12] это имеет существенное значение не только при заключении, но и на стадии исполнения гражданско-правовых договоров. Обращаясь к специалистам в определенной сфере техники, мы должны быть уверены в логичности и добросовестности их действий, в используемых ими методиках и средствах.

Итак, смарт-контракт рассматривается целым рядом исследователей, а также законодателем в качестве формы договора либо средства его исполнения. Мы считаем данную точку зрения вполне обоснованной, так как она позволяет вписать смарт-контракт в уже имеющиеся обязательственно-правовые конструкции.

Применение смарт-контрактов в обязательственных правоотношениях связано с определенными рисками. Они могут быть связаны с умышленным введением техническим специалистом контрагента в заблуждение; поскольку смарт-контракт исполняется автоматически в информационно-цифровой среде при наступлении определенных условий, необходимо, чтобы в такой информационной системе была полная и достоверная информация о наступлении такого события, в противном случае возможны сбои в работе смарт-кода; смарт-контракт создается техническими специалистами и представлен только в машиночитаемом виде, в связи с этим может быть проблематично установление соответствия истинной воли сторон содержанию такого программного кода.

Эти и другие нерешенные в законодательстве вопросы не дают ввести понятие «смарт-контракт» в нормы действующего гражданского законодательства и устранить существующую в данной сфере неопределенность.

При этом, хотя в настоящее время в законодательстве существует указание на действия, обладающие признаками, характерными для смарт-контракта, данного указания недостаточно для создания правовой определенности в регулировании общественных отношений по поводу владения и распоряжения цифровыми активами. Как минимум существует этимологическое несоответствие между данными понятиями. Так, отсутствующий в законе термин смарт-контракт, ввиду наличия в его составе корня «контракт» предполагает, что содержание данного понятия связано со сделкой, договором или, как минимум, его формой. Вместе с тем, закон содержит указание на действия, обладающие признаками смарт-контракта, которые являются основаниями для внесения записей в реестр цифровых финансовых активов, и прямо указывает, что они не являются сделками, а лишь совершаются во исполнение таковой. В этой связи считаем необходимым устранить существующий пробел и прямо определить содержание понятия «смарт-контракт» на законодательном уровне. При этом полагаем, что наиболее корректным явилось бы определение смарт-контракта именно как специфической электронно-цифровой формы сделки.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС Консультант Плюс. - <http://www.consultant.ru>.
2. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс. - <http://www.consultant.ru>.
3. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 августа 2019 г. № 31 ст. 4418.

4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 2020 г. № 31 (часть I) ст. 5018.
5. Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» от 25.01.2018 // https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=121810-proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovyykh_finansovykh_aktivakh.
6. Combining Blockchain and AI to Make Smart Contracts Smarter / The Global Legal Blockchain Consortium // <http://legalconsortium.org/2017/11/27/combining-blockchain-and-ai-to-make-smart-contracts-smarter/>;
7. Marwala T., Xing B. Blockchain and Artificial Intelligence // <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1802/1802.04451.pdf>. – 13 p. – P. 6;
8. Combining Blockchain and AI to Make Smart Contracts Smarter / The Global Legal Blockchain Consortium // <http://legalconsortium.org/2017/11/27/combining-blockchain-and-ai-to-make-smart-contracts-smarter/>.
9. Dell'Erba M. Demystifying Technology. Do smart contracts require a new legal framework? Regulatory fragmentation, self-regulation, public regulation // University of Pennsylvania Journal of Law & Public Affairs, Forthcoming. May 2018.
10. Dondero B. Les Smart Contracts // La Semaine Juridique. Decembre 2017.
11. The Economist, "The DAO: theft is property," The Economist, vol. 419, No. 8995, p.
12. Woebbeking M.K. The Impact of Smart Contracts on Traditional Concepts of Contract Law // Jiritec. 2018. N 1.
13. Ахмедов А.Я. К вопросу о признаках смарт-контракта как договорной конструкции. // Право и цифровая экономика. – № 2. – 2020. // СПС КонсультантПлюс.
14. Волос А.А. Реализация принципа добросовестности применительно к отношениям сторон смарт-контракта. // Право и цифровая экономика. – № 2. – 2020. // СПС КонсультантПлюс.
15. Ермаков А.В. Цифровые права как объект гражданских прав. // Тезисы докладов XXIV Международная конференция Роспатента «Трансформация сферы интеллектуальной собственности в современных условиях». – М. : Роспатент, ФИПС. – 2020. – С. 202-204.
16. Кубрак В.С. Правовое регулирование смарт-контрактов: правовые и технические ограничения. // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – № 2. – 2020. // СПС КонсультантПлюс.